

Но А.С. Макаренко, используя единую систему обучения, никогда не бывает шаблонным в своей работе.

Полине Джуриной, девочке другого склада, чем Лена Пихоцкая, Антон Семёнович в качестве тренировочного упражнения даёт дополнительную работу: «...переписать в тетрадь две песни из «Евгения Онегина», где больше всего встречается слово, которое ты пишешь неправильно. Выучить наизусть эти песни». Какая интересная задача для самостоятельного труда девочки и для её эстетического развития!

Чтобы выбрать песни, где чаще встречается злополучное слово, нужно прочитать или перечитать почти весь роман, а потом выписать две песни и выучить их, обогащая свой запас слов и знаний законов русской речи.

О настойчивости Антона Семёновича в достижении намеченной цели свидетельствует эпизод, описанный Джуриной в той же статье «Выдающийся деятель народного образования». У Джуриной, когда она училась в коммуне, были слабые знания по украинскому языку, учить его она решительно отказывалась. В разговоре с Антоном Семёновичем девочка упорно доказывала, что украинский язык ей в дальнейшем не будет нужен.

Все её доводы А.С. Макаренко отверг, и Джуриная вспоминает: «Чем больше он говорил со мной, тем мне яснее становилась моя неправота». Убедив свою воспитанницу, Антон Семёнович тут же сказал: «Сам буду с тобой заниматься ежедневно после отбоя по 45 минут».

Этот эпизод раскрывает драгоценное качество Макаренко-преподавателя: настойчивость и терпение, готовность помочь ребёнку, вооружить его крепкими знаниями.

Деятельность Антона Семёновича как учителя русского языка — прекрасный пример для нас, преподавателей советской школы.

В свете современных требований к знаниям, умениям и навыкам учащихся по русскому языку, в борьбе за грамотность и высокую культуру речи особенно ценен педагогический опыт А.С. Макаренко.

Тетрадь Лены Пихоцкой с замечаниями Антона Семёновича учит нас терпению, долговременному мастерству и ответственности за обучение детей.

Ученическая тетрадь!

Сколько их, голубых, серых, зелёных проходит перед нами! И пусть, раскрыв каждую, мы по-макарековски увидим за фиолетовыми строчками упражнений, диктантов, сочинений человека с его достоинствами и ошибками, удачами и промахами, радостями и горестями. И по-макаренковски правдиво и требовательно, любовно и бережно, настойчиво и осторожно будем обогащать его знанием языка, знанием духовных богатств нашего народа, самой жизни.

¹ В тексте сделана небольшая стилистическая правка. Впервые воспоминания были опубликованы на русском и немецком языках в сборнике: VTOROE ROZDENIE ZUM ZWEITEN MAL GEBOREN. Band 2. — MARBURG, 1970. S. 107–109.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЕЛЕНА ПИХОЦКОЙ¹

(Из архивного фонда школы № 656 им. А.С. Макаренко)

Пихоцкая. Родилась в 1914 г. в Харькове. Когда отец уехал на фронт, то меня мать бросила с нянькой, а сама уехала в Москву с каким-то мужчиной, бросив меня на произвол судьбы. Отец, вернувшись, женился на другой, и мать, узнав об этом, устроила скандал, пошли неурядицы.

Помню, в начале весны, когда я и отец были вдвоём в комнате, а мачеха куда-то ушла, кто-то дернул дверь. Отец спросил... Ответом был выстрел. Отец был убит насмерть. Среди бандитов была и мать. Чтобы её не узнали, она была в маске.

Когда возвратилась мачеха, её у ворот ожидали бандиты. Они привели её в комнату, связали ей ноги и руки, стали избивать. Меня тоже связали и посадили около убитого отца...

Мы остались с мачехой вдвоём. Ей нужно было с чего-то жить и содержать меня. Она вышла замуж. У её мужа... двое детей; так я очутилась у чужих. Мачеха относилась ко мне хорошо, к детям мужа тоже, но они почему-то обижались на неё и жаловались своему отцу. Из-за этого часто происходили ссоры. Мы, дети, между собой тоже жили не дружно.

Моя родная мать хотела получить имущество, которое осталось после отца, но ей не давали. Тогда она решила взять меня к себе — только из-за имущества. Но я её боялась... потому что она убила моего отца. Я помню, это было летом. Я ... около ворот, ко мне подошла какая-то женщина и попросила проводить её. Я согласилась. По дороге она стала спрашивать, как мне живётся.

Потом предложила поехать к ней домой. Приехав к ней, я застала свою мать. Она сразу меня на второй день одела и накупила всяческих игрушек. Через несколько дней мать повела меня в суд. Она судилась за имущество. На суде была мачеха. Я ответила, что лучше у мачехи, потому что я к ней привыкла, а родной матери я боюсь.

Тогда судья сказал: «Не та мать, которая родила, а та, которая воспитала».

Так я осталась жить у мачехи. Пришёл 1921 год, когда нечего было есть. Приходилось красть пищу, которая была приготовлена народному почётному округу... Чтобы ни случилось, всегда обвиняли меня, потому что я была самая меньшая и чужая. Пришла к нам моя бабушка и хотела взять меня к себе, но меня не было дома. Когда жизнь всё ухудшалась, я решилась и перешла жить к бабушке.

У бабушки я прожила два года. В 1924 г. родная мать забрала меня к себе. Мать жила с ювелиром. Они торговали золотом. Но дальше торговлей заниматься нельзя было, и они стали меня избивать. Один раз выгнали меня из дома и сказали: куда хочешь, туда и иди. Я пошла к бабушке, но она не в состоянии была меня содержать и отдала в детдом в Комаровку, где я пробыла целое лето. Приехала ко мне бабушка и стала упрашивать, чтобы я вернулась к матери, но я не хотела. Она меня стала уговаривать, что мать больше не станет обижать. Я согласилась и поехала. За то время, что я была в детдоме, мать ходила и хлопотала, чтобы её устроили на завод работать. Она говорила: «Моя дочь находится в детдоме и мне надо с чего-то жить, потому что я хочу взять её к себе».

...Моя жизнь совсем изменилась. К нам на квартиру каждый день приходили всё новые и новые люди, где они с матерью выпивали. Эти гулянья и пьянства тянулись всегда допоздна. На другой день мне приходилось мыть посуду и убирать после пьянки.

Бывали такие случаи, что я пропускала школу, потому что надо было ходить на базар и готовить обед. Я была пионеркой в коллективе... два года. Но у меня не было времени посещать коллектив. Живя в такой среде, где каждый день происходили пьянки и разврат, я поняла, что и меня это может привести к тому же.

Так как я много знала о прошлом моей матери, то она всячески старалась избавиться от меня. Она меня избивала. Я уже не могла терпеть такой жизни и написала в редакцию «Харьковский Пролетарий» о своей матери. 2 февраля 1929 г. меня ГПУ направило в коммуну.

В коммуне я живу уже 4 года. С первого же дня я коммуну полюбила. Я увидела, что передо мной лежит определённая дорога, а дома я этого не чувствовала. Уже был пущен в 1932 г. завод электросверлилок, который должен дать за год 7000 шт. Первое время я на заводе работала на фрезерном станке «К-р», а сейчас на токарном «Красный Пролетарий». Учусь на 3-м курсе рабфака. В комсомоле с 1929 г.

По окончании 3 курса мне жалко расставаться с коммуной, с дружно спаянным коллективом.

(Источник: записи из тетради № 1 Н.А. Лялина. «Воспоминания воспитанников А.С. Макаренко».)

